

ДОБРОВОЛЬНОСТЬ КАК ПРИЗНАК ПРАВОМЕРНОГО ПОВЕДЕНИЯ ЛИЧНОСТИ

Анатолий ШУЛЬГА,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры общеправовых дисциплин факультета права и массовых коммуникаций
Харьковского национального университета внутренних дел

SUMMARY

Oriented on the criteria of distinction of voluntarily and involuntarily behavior, the article contains the ground of possibility of the use in general theoretic jurisprudence as контрапной such terminology as “action with the vice of will” and “action with the vice of perception of reality”. Similar sort of action differentiate on the features of maintenance of intellectual and volitional moment legally meaningful behavior of personality. Actions with the vice of will are the result of compulsion - physical or psychical. Types of actions with the vice of perception of reality : the actions accomplished in a state of error as result of error or - in a state of error as result of deception.

Keywords: good behavior, will, will, coercion, confusion, mistake, fraud, action-vice will, with effect from vice perception of reality.

* * *

Ориентируясь на критерии различия добровольного и недобровольного поведения, статья содержит обоснование возможности использования в общетеоретической юриспруденции в качестве контрапной такой терминологии как «действия с пороком воли» и «действия с пороком восприятия действительности». Подобного рода действия различаются по особенностям содержания интеллектуального и волевого момента юридически значимого поведения личности. Действия с пороком воли являются результатом принуждения – физического или психического. Виды действий с пороком восприятия действительности: действия, совершенные в состоянии заблуждения как результата ошибки или – в состоянии заблуждения как результата обмана.

Ключевые слова: юридически значимое поведение, воля, волеизъявление, принуждение, заблуждение, ошибка, обман.

Введение. Проблема юридически значимого добровольного и вынужденного поведения, проблема соотношения воли и волеизъявления, проблема юридического значения принуждения (физического, психического), заблуждения, ошибки, обмана в контексте правовой квалификации поведения личности относятся к числу тех проблем, которые уже не одно десятилетие периодически привлекают к себе внимание как отечественных, так и зарубежных исследователей – не только юристов, но и философов, логиков, социологов, психологов (В.В. Оксамытный, В.А. Ойгензихт, П.М. Рабинович, О.Ф. Скакун, В.И. Лифшиц, Н.И. Тюрина, Н.И. Уздимаева, В. Декомб и др.).

Несмотря на наличие ответов на многие существенные вопросы, относящиеся к проблеме разграничения добровольного и недобровольного поведения в сфере действия права, некоторые из них всё ещё сохраняют определённую актуальность. К примеру, в юри-

дической литературе понятийно-терминологически не различается «заблуждение» как результат собственных неумышленных умственных действий и «заблуждение» как результат целенаправленных посторонних (внешних) действий, отсутствует разграничение действий с пороком воли и действий с пороком восприятия действительности. Вместе с тем все эти вопросы имеют не только академический, но и прикладной характер.

Соответственно основной целью данной статьи является обоснование возможности разграничения (классификации) по особенностям содержания интеллектуального и волевого момента поведения таких видов юридически значимых действий как *действия с пороком воли* и *действия с пороком восприятия действительности*.

Изложение основного материала. Общеизвестно, что поведение человека в плане его эмоционально-волевого состояния на момент совершения определенного действия (бездействия) может быть добровольным или вынужденным. Добровольность как признак право-

мерного поведения личности представляет собой ценность не только с точки зрения социологии и психологии права. В ряде случаев она имеет также и то нормативное значение, в силу которого отсутствие признака добровольности в правоммерном поведении означает отсутствие и самого акта правоммерного поведения. И – наоборот, именно добровольность нередко может быть главным определяющим пунктом правоммерности действий, которые имели место в реальной жизни. Например, Уголовный кодекс Украины предусматривает (ст. 66), что при назначении наказания к обстоятельствам, которые его смягчают, относится, в частности, «явка с повинной». Но «явка с повинной» как таковая может быть только добровольной: «надо... зафиксировать официальное добровольное появление... задержат по дороге в милицию человека, который «в бегах», – и значимость явки с повинной утратится» [1, с. 64].

Добровольность – есть не что иное, как свобода от *внешнего принуждения*. Индивид всегда избирает тот или иной вариант своего

конкретного поведения из определенного их возможного множества, которое численно может быть и относительно большим, и достаточно ограниченным. «Но он может быть и лишен возможности выбора силой внешнего принуждения, естественными или социальными обстоятельствами. Свобода и несвобода определенным образом сочетаются в его жизни» [2, с. 168]. Учитывая терминологию И. Канта (использовал термин «принуждаю себя сам»), современную философскую терминологию, *внешнее принуждение* необходимо отличать от *внутреннего принуждения* («морального принуждения»), поскольку этический человек иногда может, по словам В. Декомба, «принуждать себя сам», то есть целеустремленно добровольно подчинять свое поведение *обязанности*, когда «ситуация предоставляет... свободу делать или не делать нечто» («во имя обязанности мы действуем абсолютно свободно») [3, с. 317-319, 323].

Поскольку «правоведы делают акцент на сознательный, внешний и общезначимый характер поведения» [4, с. 24] в юриспруденции особый статус имеет не просто *воля* как таковая, а *воля, которая нашла свое внешнее выражение*. В связи с чем, в юриспруденции существует специальная категория – «*волеизъявление*». Например, согласно взглядам отечественной науки гражданского права о природе сделок, последние всегда представляют собой волеизъявление, то есть объективированную вовне волю людей, их волевые акты. Для сделок является характерным именно момент волеизъявления, без которого вообще не может быть сделок как таковых [5, с. 275, с. 291].

В то же время, как известно, необходимо, чтобы выраженная в сделке воля объективно была свободным волеизъявлением. Поэтому в случаях, когда в сделке, хотя и есть воля, но она выражена не свободно (например, имело место насилие, лицо подвергалось угрозе, обману и т.п.) сделка не может считаться *действительной* [5, с. 291]. Речь идет о так называемых сделках с пороками содержащейся в них воли [6, с. 153] (отнесение

договоров с «пороком воли» к категории недействительных характерно для различных типов правовых систем современности), то есть в зависимости от наличия или отсутствия акта добровольного волеизъявления, от того является или не является волеизъявление *добровольным*, зависит определение сделки окончательно состоявшейся или же оспоримой.

Иными словами, в плане содержания «субъективной стороны» правомерное по внешним признакам действие может быть *добровольным* или *недобровольным* (такое действие, ориентируясь на традиционную цивилистическую терминологию, является действием с *пороком воли*). Например, сделки совершенные под влиянием *ошибки, обмана, насилия* относятся к числу классических сделок с так называемыми «пороками воли» (совершаются «при условиях, которые препятствуют свободному формированию воли... влекут несоответствие воли и волеизъявления» [6, с. 153].

Ориентируясь на вышесказанное целесообразно обратить внимание на то, что литературное толкование термина «насилие» обычно делает логический акцент на понимании насилия как определенного физического воздействия (например, «насилие» – это применение «физической силы к кому-нибудь... для достижения чего-нибудь; принудительное влияние на кого-то, что-то» [7, с. 579], тогда как специально-юридическое, цивилистическое толкование термина «насилие» является более ясным при ответе на вопрос об однозначности или неоднозначности данного термина, поскольку сразу обращает внимание на два вида насилия, охватываемых объемом данного понятия: под насилием «понимается психическое или физическое насилие» [8, с. 154].

Вместе с тем, в плане соотношения терминов «насилие» и «принуждение», по нашему мнению, применение термина «принуждение» как *общеотраслевого* юридического термина в контексте указанной характеристики сделок является более корректным и, следовательно, более предпочтительным. Объяс-

няется это тем, что в литературном языке толкование «принуждения» имеет более абстрактный характер, чем толкование «насилия». Принуждение – это «давление с чьей-то стороны... обусловленная кем-то или чем-то необходимостью действовать определенным образом, независимо от желания» [7, с. 940]). Кроме того традиционным для юридической науки общетеоретическим и общеотраслевым понятием «принуждение», которое, как уже было замечено, может быть и «физическим», и «психическим» [9] фактически охватывается и «насилие» как таковое.

Понятию *добровольного волеизъявления*, то есть *абсолютно* свободного волеизъявления, противостоит понятие *недобровольного волеизъявления* (при этом, на наш взгляд, мера «недобровольности» может быть различной, недобровольность может быть «абсолютной» и «относительной»). Недобровольное волеизъявление выражают понятия «вынужденное волеизъявление» (волеизъявления под влиянием *насилия*), «волеизъявление в состоянии *заблуждения*» (волеизъявление под влиянием *обмана*), «волеизъявление под влиянием *ошибки*». Если «волеизъявление в состоянии *заблуждения*» (волеизъявление под влиянием *обмана*), условно говоря, является волеизъявлением *в состоянии целенаправленной внешне вызванной аберрации восприятия действительности*, то «волеизъявление под влиянием *ошибки*» является волеизъявлением *в состоянии неумышленной внутренней вызванной аберрации восприятия действительности*. Абберация (от лат. aberratio – отклонение) предполагает «отклонение от истины» [10, с. 7], отклонение от адекватного отображения действительности в сознании человека.

Принуждение к совершению правомерного по внешним признакам действия может проявляться в разных формах: физическом насилии, психическом влиянии – угрозах, шантаже. Причем принуждение может и не быть открыто выраженным в чьих-то действиях, словесных формулировках, его наличие может носить латентный ха-

ракти, то есть внешнее принуждение может быть *прямым* и *косвенным* (является действием обстоятельств, которые объективно целенаправленно провоцируют, служат причиной соответствующего волеизъявления субъекта). Например, показательным в этом плане является случай голосования членов профсоюзного комитета трудового коллектива, которые дали согласие на освобождение работника при открытом голосовании, и потом отказали в освобождении при тайном повторном голосовании, когда имела место истинная добровольность волеизъявления [11, с. 27].

От вынужденного действия (абсолютно недобровольного действия, поскольку оно в полной мере осознается как недобровольное) необходимо отличать действие, совершенное в состоянии *заблуждения* как одного из возможных проявлений несоответствия воли и волеизъявления (является относительно недобровольным действием, поскольку на момент его осуществления не осознается как недобровольное, хотя объективно является таковым). Заблуждение как определенное *состояние* человека [12, с. 148] представляет собою «ошибочное восприятие действительности, обусловленное неправильным, искаженным отображением ее органами чувств» [13, с. 431], «воображаемый образ чего-нибудь» [7, с. 670].

Различая понятия «заблуждение» и «обман», необходимо обратить внимание, что в литературном языке термин «обман» является многозначным, необходимо различать «обман» как внутреннее состояние человека и «обман» как внешнее действие человека. При понимании «обмана» как определенного внутреннего состояния человека, термины «обман» и «заблуждение» – синонимы: «обман» – это «ошибочное восприятие действительности, обусловленное неправильным, искаженным отображением ее органами чувств; заблуждение» (пример: оптический обман) [7, с. 643]. При понимании «обмана» как внешнего действия человека, «обман» – это «неправдивые слова, поступки, действия... вранье» [7, с. 643].

Обман как внутреннее состояние человека может быть результатом «обмана» как внешнего действия или «ошибки». Ошибка – это «неправильность в действиях, мыслях» [14, с. 430], – это «неправильная мысль, ошибочное представление о ком-то, чем-то» [7, с. 855].

В философских словарях термин «ошибка» по обыкновению не рассматривается как самостоятельный, его интерпретация имеет место исключительно в контексте толкования термина «заблуждение». Если в «советский период» философской науки («марксистской») делалось ударение на необходимости различения «заблуждения» («иллюзорное осознание действительности»), «обмана», иначе говоря, вранья, сообщения неправды («сознательного искажения истины») и «ошибки» (результата «собственных действий индивида») [15, с. 147], то в современной философии [16, с. 3-8] «заблуждение» характеризуется как результат «ошибки» или «обмана». Заблуждение – это представления, мысль или ход мысли, относительно которых хотя и существует уверенность, что они правильные, однако они не отвечают истине, фактическим обстоятельствам, предмету (материальная ошибка) или противоречат логическим законам (формальная ошибка). Источниками заблуждения могут быть: несовершенство умственных способностей, недостаточность познавательного материала, плохое знание источников ошибок, неосмотрительные обобщения и т.п. От заблуждения, которое возникает непреднамеренно, необходимо отличать заблуждение, которое является результатом обмана другого [17, с. 161].

Как и в иных странах, в действующем законодательстве Украины формально не различается: 1) *заблуждение как результат собственных неумышленных умственных действий*; 2) *заблуждение как результат целенаправленных посторонних (внешних) действий*. Термин «заблуждение» в нем употребляется исключительно в узком понимании, то есть под заблуждением понимается лишь заблуждение как результат целенаправленных внешних действий (результат

обмана). Вместо «заблуждения как результата ошибки» традиционно используется иная терминология. Например, в гражданском праве речь идет о действиях «под влиянием ошибки», а в уголовном праве как относительно самостоятельное используется понятие «ошибки» при характеристике признаков совершенного преступления.

В юриспруденции заблуждение как *юридическое явление* всегда неотделимо от обмана (заблуждение – результат обмана, заблуждение и обман – «парные», взаимосвязанные юридические термины). Так, например, если одна из сторон сделки сознательно скрывает наличие обстоятельств, которые могут воспрепятствовать совершению сделки, или замалчивает их существование, и тем самым *вводит другую сторону в обман* относительно обстоятельств, которые имеют существенное значение, такая сделка признается судом недействительной (ст. 230 Гражданского кодекса Украины).

«Обман» как *юридическое явление* необходимо отличать от «ошибки». Например, в постановлении Пленума Верховного Суда Украины «О делах о признании сделок недействительными» разъясняется (п. 11), что под ошибкой надо понимать такое неправильное восприятие стороной сделки субъекта, предмета или других существенных условий сделки, которое повлияло на ее волеизъявление и при отсутствии которого по обстоятельствам дела можно считать, что сделка не была бы заключена [18, с. 88]. Статья 229 Гражданского кодекса Украины предусматривает: если лицо, которое совершило сделку, ошиблось относительно обстоятельств, которые имеют существенное значение, такая сделка может быть признана судом недействительной (существенное значение имеет ошибка относительно природы сделки, прав и обязанностей сторон, таких свойств и качеств вещи, которые значительно снижают ее ценность или возможность использования по целевому назначению; ошибка относительно мотивов сделки не имеет существенного значения, кроме случаев, установленных за-

коном). Заключение сделки под влиянием ошибки, как и под влиянием обмана (в состоянии заблуждения), формально является одним из видов *недобровольного* поведения (поведения с «пороком воли»). Действие под влиянием ошибки, как и под влиянием обмана, также является относительно *недобровольным* действием, поскольку на момент осуществления не осознается как *недобровольное*, хотя объективно в определенной мере является таковым.

Учитывая вышесказанное и проблему формирования общетраслевой юридической терминологии в плоскости её унификации, по нашему мнению, есть основания для позиционирования в качестве относительно самостоятельного понятия в системе понятий общетеоретической юриспруденции понятия (термина) «действие в состоянии заблуждения». *Видами* такого действия являются: 1) *действие в состоянии заблуждения как результата ошибки*; 2) *действие в состоянии заблуждения как результата обмана*. Критерий различия указанных действий – источник заблуждения: «внутренний» (собственная «неумышленная» умственная деятельность), «внешний» (что-то намеренное информационное воздействие на процесс умственной деятельности другого). Ошибка при принятии решения действовать фактически имеет место в обоих случаях заблуждения, но ошибаться можно вследствие различных причин, как исключительно «внутренних», так и «внешних».

Также целесообразно обратить внимание на то, что хотя, сделки совершенные под влиянием *насилия, обмана, ошибки* рассматриваются как виды действий «с пороками воли», по нашему мнению, более точным и терминологически корректным будет различие среди юридически значимых действий (в том числе и сделок) по особенностям содержания интеллектуального и волевого момента поведения: 1) *действий с пороком воли (действий как результата принуждения – физического, психического)*;

2) *действий с пороком восприятия действительности: а) действий в состоянии заблуждения как результата ошибки; б) действий в состоянии заблуждения как результата обмана*.

При таком подходе интеллектуальный и волевой момент указанных действий отличаются тем, что *действие с пороком воли* – это действие, которое человек осуществляет, хотя *не желает* этого делать, при этом он в полной мере *осознает* социальное, личностное значение данного действия, *предусматривает* его соответствующие негативные последствия. *Действия с пороком восприятия действительности* предполагают, что человек хотя и *не осознает* ошибочность ряда своих умозаключений в процессе принятия решения действовать так, а не иначе, а потому и *не предусматривает* наступления определенных негативных последствий своего *сознательно* совершенного действия, однако при этом он *желает* действовать так, а не иначе, и действует так, как того желает. Субъективно действие с пороком восприятия действительности оценивается человеком на момент его осуществления как совершенное им *свободно* (является желаемым). Поэтому фактически здесь имеет место не столько «порок» в пределах волевого, сколько «порок» в пределах интеллектуального момента сознания человека.

Вместе с тем, с позиций традиционной интерпретации действий, совершенных вследствие ошибки и обмана, такого рода действия нужно считать действиями с «пороком воли», поскольку «ошибка не является результатом намеренных действий другого участника сделки», но она, «как и обман, предопределяет искаженное формирование воли участника сделки» [19, с. 154]. Однако, по нашему мнению, соответствующие действия необходимо всё же определять, делая обобщающий **вывод**, не как действия с «пороками воли», а как действия с «пороками *процесса формирования воли*» (логической составляющей этого *процесса* является интеллектуальный момент как познаватель-

ная предпосылка волевой психической деятельности).

Литература:

1. Лифшиц В.И. Слово адвокату / В.И. Лифшиц. – М.: Юрид. лит., 1990. – 288 с.
2. Скворцов Л.В. Культура самосознания: Человек в поисках истины своего бытия / Л.В. Скворцов. – М., 1989. – 319 с.
3. Декомб В. Дополнение к субъекту: Исследование феномена действия от собственного лица / Пер. с фр. М. Головановской / В. Декомб. – М.: Новое литературное обозрение, 2011. – 576 с.
4. Мораль: сознание и поведение / Под ред. Н.А. Головки. – М.: Наука, 1986. – 208 с.
5. Цивільне право України. У двох частинах. Частина 1. Підручник / За заг. ред. Р.Б. Шишки. – Х.: ХНУВС, 2008. – 516 с.
6. Цивільний кодекс України: Коментар / За заг. ред. Э.О. Харитоновой, О.М. Калітенко. – Х.: ТОВ Одиссей, 2004. – 856 с.
7. Великий тлумачний словник сучасної української мови. / Уклад. і голов. ред. В.Т. Бусел. – К.; Ірпінь: ВТФ Перун, 2001. – 1440 с.
8. Цивільний кодекс України: Коментар / За заг. ред. Э.О. Харитоновой, О.М. Калітенко. – Х.: ТОВ Одиссей, 2004. – 856 с.
9. Михалко І.С. Поняття примусу в кримінально-виконавчому праві / І.С. Михалко. [Електронний ресурс]. Режим доступу: <http://radnuk.info/statii/557-vukonavche/> 14716-2011-01-18-23-45-56.html
10. Словник іншомовних слів / За ред. чл.-кор. АН УРСР О.С. Мельничука. – К.: Гол. ред. УРЕ, 1974. – 775 с.
11. Никитинский В.М. Оценка процедуры и результатов голосования при принятии правовых решений // Советское государство и право. – 1990. – № 11. – 23-30 с.
12. Новий російсько-український словник-довідник: Близько 100 тис. слів / Уклад. С.Я. Ермоленко та ін. – К.: Довіра, 1999. – 878 с.
13. Тлумачний словник сучасної української мови / За ред. проф. В.С. Калашника. – Харків: Белкар-книга, 2005. – 800 с.
14. Ожегов С.И. Словарь русского языка: Ок. 57000 слов. – М.: Рус. яз., 1984. – 816 с.
15. Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. – М.: Политгиздат, 1986. – 590 с.
16. Кузнецов А.С. Заблуждение: логико-гносеологический аспект: дис. ... канд. философ. наук: 09.00.01. / Кузнецов Александр Сергеевич. – Саратов, 2001. – 159 с.
17. Философский энциклопедический словарь / Ред.-сост.: Э.Ф. Губский и др. – М.: Инфа-М, 1998. – 576 с.
18. Постанови Пленуму Верховного Суду України (1963 – 2000): Офіц. вид. : у 2 т. / За заг. ред. В.Ф. Бойка. – Т.1. – К.: А.С.К., 2000. – 327 с.
19. Цивільний кодекс України: Коментар / За заг. ред. Э.О. Харитоновой, О.М. Калітенко. – Х.: ТОВ Одиссей, 2004. – 856 с.